

Фактор языковой идентичности в украинской политике

Екатерина Чимириц

Является ли вопрос о языке политическим? Мы считаем, что это так, ведь язык — один из основных факторов мобилизации общества, который при определенных обстоятельствах может стать и фактором раскола. Тем более это справедливо в условиях сегодняшней Украины.

Элиты, пришедшие к власти в Украине после 2004 г., начали новый виток украинизации общества. Если обратиться к официальным документам, например, к Конституции Украины (1996 г.) или «Универсалу национального единства», станет очевидно, что власть стремится построить единую украинскую нацию на базе украинского языка. В то же время часть украинских элит, начиная с избирательной кампании 2004 г., активно выступает за признание русского языка вторым государственным. В связи с этим возникает вопрос: является ли язык фактором национальной идентичности? И какая идентичность превалирует в украинском обществе — языковая (русскоговорящие и украиноговорящие) или этническая (русские и украинцы)?

В научной традиции сложилось несколько подходов к пониманию нации и национализма. В целом их принято делить на три основные группы: конструктивизм, примордиализм и инструментализм.

Конструктивисты считают, что нация — это искусственное образование, которое формируется властью для мобилизации населения с определенной целью. Государство, в частности, может создавать единый культурный языковой стандарт, чтобы ускорить переход общества от аграрного состояния к индустриальному [Геллнер 1991]. Для этого проводится специальная политика по формированию единой языковой системы на основе формулы «один язык — одна культура» [Haugen 1961]. Продолжением этой формулы можно считать формулу «один язык — одна экономика». Э. Геллнер утверждал, что язык не существует в качестве отдельного культурного идентификатора. Согласно его теории, единый язык нужен только тем, кто включен в капиталистическую систему [Gellner 1978].

С точки зрения примордиалистов, истоки национализма коренятся в изначаль-

ных этнических (племенных, родственных) связях, которые сложились исторически [Гирц 2004; Davidson 1992]. В то же время, по мнению ряда исследователей, люди могут менять свои этнические и языковые идентичности в зависимости от ситуации [Барт (ред.) 2006; Horowitz 1985]. Вообще, наличие нескольких языков, участвующих в формировании идентичности, — весьма распространенное явление [Калхун 2006: 96].

Инструменталистский подход представлен в работах Н. Глайзера, М. Бэнкса, Д. Хоровитца, Э. Смита, М. Бэнтонна, М. Фишера. В рамках этого подхода большое внимание уделяется феномену политизации этничности, использованию ее различными силами в качестве инструмента мобилизации, превращению этничности в фактор структурирования социальных отношений.

В настоящей статье для нас крайне важен вопрос, является ли языковая идентичность базовой при формировании нации. Трудно спорить с тем, что полноценное национальное государство в Украине еще не сложилось, и что в ситуации Украины мы имеем дело с *«национализирующимся государством»*. Под «национализирующимся государством» понимается «новое государство, возникающее после распада крупных многонациональных государств под лозунгом самоопределения той или иной этнокультурной общности, но само обладающее этнически и культурно неоднородным населением. Такие государства переживают период поиска стабильности как результата компромисса между этнической и гражданской концепциями государства и нации» [Миллер 1997]. В данном случае мы в большей степени опираемся на инструменталистскую модель формирования нации и исходим из того, что язык может служить основным фактором

мобилизации этнической и национальной идентичности. Ведь, с одной стороны, нельзя отрицать формирования в рамках украинского государства исторически обусловленных этнических различий, а с другой — этничность на современном этапе явно актуализирована как в политическом, так и в повседневном дискурсах.

Обращение к дискурсу при исследовании проблемы формирования нации не случайно. К. Калхун, например, утверждает, что национализм как таковой формируется через риторику (дискурс) единой нации [Калхун 2006]. В случае с Украиной, в которой единая нация не сложилась, важно определить, какие именно маркеры идентичности играют решающую роль при выработке такого рода объединяющего дискурса.

В российской этнополитологической традиции проблемой языка как фактора идентичности занимается М. Губогло [Губогло 2003]. Он считает язык важнейшим признаком этноса и выделяет несколько видов идентичностей — этническую, социальную, расовую, гендерную и т.п. «Идентичность предстает не как постоянно и произвольно меняющаяся категория, а как набор интериоризированных представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся под давлением среды, этнических лидеров и творческих личностей в русле заданной культуры» [Губогло 2003: 29]. Губогло предпочитает говорить не о множественной идентичности, а о множестве идентичностей. Соответственно, «языковая идентичность — это совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)» [Губогло 2003: 39].

Когнитивный анализ дискурса

Проблема идентичности относится к сфере общественного сознания. Поэтому в качестве основной методологии исследования был избран когнитивный анализ дискурса. Сущность данного подхода «заложена в представлении о том, что реконструкцию важнейших элементов политического мышления, таких как ценности, интересы, сценарии будущего развития событий, можно производить на основе анализа текстов политических документов» [Когнитивные исследования за рубежом 1990: 3]. Под *дискурсом*, мы, вслед за Т. Ван Дейком, понимаем сложное коммуникативное явление, включающее текст и экстралингвистические факторы — знание о мире, мнения, установки, цели [Ван Дейк 1989]. Посредством набора когнитивных методов можно выявить определенные базовые структуры и в дальнейшем интерпретировать их в рамках той или иной теоретической модели или научного подхода.

Основу нашего анализа составляют *идеализированные когнитивные модели* (ИКМ), предложенные Дж. Лакоффом («мы организуем наше знание посредством структур, называемых идеализированными когнитивными моделями, или ИКМ...» [Лакофф 2004: 98]). Данный подход объединяет несколько ранее разработанных методологических схем: фреймы, образно-схематические структуры, метафоры и метонимии. ИКМ непосредственно связаны со способностями человека воспринимать и оценивать окружающую действительность. Возможны идеализированные когнитивные модели нескольких видов:

- пропозиционная структура (структура утверждений);
- образно-схематическая структура;
- метафорическое отображение;
- метонимическое отображение.

Фрейм большинство исследователей понимают как некую структуру сознания, с помощью которой человек воспринимает действительность и ориентируется в окружающем мире. В частности, М. Минский трактует фрейм как структуру данных для представления стереотипных ситуаций [Минский 1979]. В понимании Ван Дейка фреймы — это единицы, организованные вокруг заложенного в тексте концепта. Концепты, установленные посредством ментального опыта, служат *шаблоном* или *моделью* для построения лингвистических выражений. Фреймы содержат основную типическую и потенциальную информацию, которая ассоциирована с концептом. Они имеют конвенциональную природу и способны определять и описывать, что именно в данном обществе является характерным и дозволенным [Ван Дейк 1989: 18]. За каждым типическим социальным контекстом закреплен набор возможных фреймов, которые задают для участников коммуникации множество позиций, функций, свойств и отношений. Один из ключевых элементов фрейма — ситуационная модель, состоящая из ряда категорий, имеющих эмпирическую основу. Ситуационные модели индивид получает непосредственно из своего опыта.

Метафора, по Лакоффу, — это не только художественный троп, но и трактовка одного понятия через термины, выражающие сущность другого [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Метафоры основаны на закрепленных в нашем опыте корреляциях между явлениями. Посредством этих корреляций метафора помогает структурировать и сами фреймы, и более абстрактные категории фреймов на основе категорий, которые формируются во взаимодействии субъекта с физическим миром и естественно возникают из опыта. Иными словами, «метафоры позволяют

понимать одну область опыта в терминах другой» [Лакофф, Джонсон 2004: 27].

Метонимия отличается от метафоры тем, что «обращает внимание на индивидуализированную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других сопричастующих с ним предметов, метафора же дает сущностную характеристику объекта» [Лакофф, Джонсон, 2004: 148]. Метонимические концепты, как и метафоры, способствуют упорядочению знания.

Пропозиционные структуры (фреймы) и образно-схематические структуры имеют непосредственное отношение к эмпирическому опыту, а метафорическое и метонимическое отображение, опираясь на пропозиционные и образно-схематические структуры, организует абстрактный уровень восприятия.

Официальный политический дискурс по проблемам языка в Украине

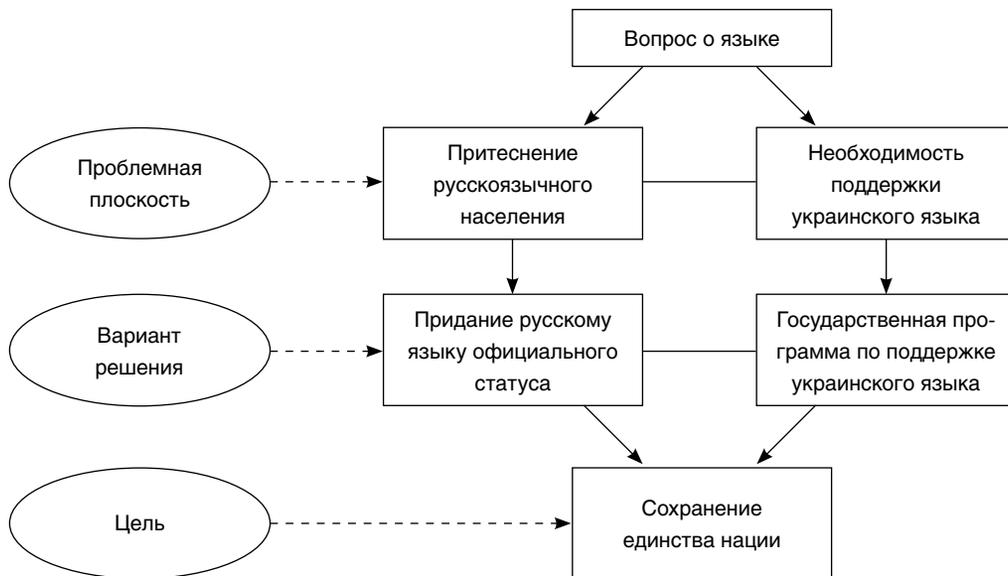
Дискуссии о проблеме языка достаточно широко распространены в политическом и околополитическом дискурсе Украины. Однако в соответствующих текстах представлена официальная позиция элит, стремящихся целенаправленно формировать общественное мнение по этому поводу. Нам же было важно понять, как проблема языка понимается обществом. С этой точки зрения мы и подходили к отбору источников. Таким источником, в частности, могли стать стенограммы пленарных заседаний Верховной Рады Украины — они хороши своей доступностью и структурированностью. Но тогда мы пошли бы по пути, уже пройденному В. Сергеевым и Н. Бирюковым в ходе изучения становления института парламентаризма в России [Бирюков, Сергеев 2004], и, как

уже отмечалось, получили бы в результате анализ дискурса элит, а не общества.

Однако в настоящем исследовании затрагивалась и проблема дискурса на официальном уровне. Общая модель, характерная для большинства украинских политиков рассматриваемого нами периода, — это модель *национального единства*. Именно она представляется базовой при изучении системы рассуждений и аргументации: к ней сводится большинство острых вопросов, ее используют как неопровержимый аргумент в доказательстве своей правоты. Эта модель отражена в дискурсе, с одной стороны, как цель, достигаемая в результате поддержки украинского языка или придания русскому языку официального статуса, с другой — как средство достижения той или иной цели (экономического и социального развития, укрепления обороноспособности страны, противостояния внешним врагам и т.п.). Очевидно, что решение языкового вопроса — это одно из средств достижения национального единства, наряду с другими атрибутами формирования украинской идентичности. Остальные проблемные блоки, связанные с экономической, внешней политикой и партийной борьбой, также служат факторами, влияющими на национальную идентичность, но при этом их решение возможно только в рамках единой нации.

Из приведенной на *рисунке 1* схемы видно, каким образом в официальном дискурсе строится система аргументации в отношении языка. В данном случае речь идет об упрощенной модели фрейма, которая состоит из трех компонентов: проблемное поле, вариант решения, цель. В целом, проблемное поле, связанное с языком, осознают обе стороны («Наша Украина» и «Блок Юлии Тимошенко», с одной стороны, Партия регионов и Коммунистическая партия Украины, с другой), однако наполнение

Рисунок 1. Модель фрейма, лежащего в основе официального дискурса по проблемам языка

этого проблемного поля у них различно. «Наша Украина» и «Блок Юлии Тимошенко» считают, что проблема связана с положением украинского языка, который нуждается в защите после длительного периода притеснений в СССР. С точки зрения Партии регионов и коммунистов, актуальной является проблема статуса русского языка в районах компактного проживания русскоязычного населения. В соответствии с проблемным полем различаются и варианты решений: «Наша Украина» и «Блок Юлии Тимошенко» последовательно выступают за сохранение статуса украинского языка как единственного государственного, Партия регионов и коммунисты — за закрепление правового статуса русского языка и проведение референдума по этому вопросу.

Политические силы, опирающиеся на разные языковые группы, не просто по-

разному видят эту проблему: у них не просматривается даже общее проблемное поле для споров и дискуссий. Именно поэтому мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда проблематика языка объявляется «надуманной», «бесмысленной» и т.п. По-видимому, стоит согласиться с мнением, что тема языка в Украине на протяжении значительной части ее истории была политизирована: «Язык был политизирован также и в советское время; тогда признаком политической благонадежности было употребление русского языка, и неблагонадежности — украинского» [Толпыго 1997]. Очевидно, что ИКМ *национальное единство* активно эксплуатируется частью украинской элиты в борьбе за власть: в предвыборных стратегиях, в ходе референдумов и т.п. Но когда та же часть элиты попадает во властные структуры, ей приходится соотносить свои позиции и

требования с требованиями представителей других групп. Возникает потребность в применении переговорных практик, согласовании интересов и т.п. И естественно, большая часть предвыборных лозунгов о придании русскому языку официального статуса отходит на второй план.

Впрочем, анализ официальной риторики показал, что проблема языка в среде украинской элиты не только не является доминирующей, но и не формирует вокруг себя предметного торга интересов и позиций. Национальное единство рассматривается элитами как абстрактная категория, которая лишь легитимизирует те или иные экономические, внешнеполитические, социальные и другие начинания и инициативы. Но если оценивать степень значимости языковой идентичности не на уровне элит, а на уровне самого украинского общества, то можно заметить ряд опасных тенденций, невнимание к которым может привести к углублению расколов в стране.

Проблема языка в зеркале социологии

Общепризнанный источник информации о состоянии общественного мнени-

я — социологические опросы. Однако этот метод имеет несколько недостатков, которые в нашем случае достаточно важны. В частности, сам вопрос об идентичности влияет на ответ, автоматически актуализируя эту идентичность. Использование нами социологических данных привело к определенным результатам, но не позволило доказать выдвинутую гипотезу о примате языковой идентичности.

В *таблице 1* представлены результаты исследования, проведенного Киевским международным институтом социологии с целью выявления лингвоэтнической структуры Украины [см.: Хмелько 2004]. Всего было опрошено 5 226 респондентов старше 18 лет.

Исследователи обращают внимание на одну важную особенность. По данным интервьюирования 2003 г., только 58% этнических украинцев в своем вербальном поведении могут быть названы украиноязычными, тогда как 42% из них, скорее, можно отнести к русскоязычным. В том же году распространение русского и украинского языков характеризовалось соотношением 53% против 47%. Таким образом, статистические данные свидетельствуют о том, что идентификация существует не только на

Таблица 1. Соотношение этнической и языковой идентичности в Украине (в %)

Назвали родным языком	Указали этническую принадлежность			Все взрослое население
	украинцы	русские	другая этничность	
Украинский	71,3	2,8	7,8	54,4
Русский	14,9	87,6	36,6	30,4
Украинский и русский	13,6	9,5	6,3	12,4
Другой язык	0,2	0,1	49,3	2,8

основе языка, который считается родным, но и на основе повседневных языковых практик (в частности, отмечено наличие группы русскоговорящих украинцев).

Выше уже отмечалось, что единая украинская нация пока не сложилась. Для более детального рассмотрения этой проблемы необходимо обратиться к региональной специфике, истории развития регионов и их языковым особенностям. С точки зрения конструктивизма, для создания единой нации необходима унификация культуры, в частности языка. Наиболее показательный и известный пример такой унификации — Франция, которая считается одной из наиболее развитых демократий. В конституции Франции закреплено использование стандартизированного французского языка, а не различных провинциальных диалектов. В период формирования французской нации правительство сделало маргинальными региональные идентичности, такие, как баски, бретонцы и др. [Dooley 2005]. В то же время инструменталистская концепция исходит из того, что «особые националистические идентичности и проекты продолжали опираться на давние этнические идентичности, на местные родственные и общинные связи и на заявленную связь с наследственными территориями» [Калхун 2006].

Ареалы расселения украиноязычных украинцев располагаются в Западном и Западно-Центральном районах; в Восточно-Центральном и Южном районах преобладают носители суржика и русскоговорящие украинцы, которые занимают и Восточный район. Очевидно, что русскоговорящие русские преобладают в Южном и Восточном районах. В целом мы видим, что региональная структура Украины, связанная с особенностями исторического развития той или иной территории, находит отражение и

в распределении лингвотнических групп. Д. Арель считает, что для русскоязычной и украиноязычной групп язык является показателем их идентичности, что, по его мнению, и объясняет несовпадение этнической самоидентификации и языковой принадлежности [Арель 1995: 84–107].

А. Мальгин, опираясь на различные социологические данные, приходит к выводу, что региональной идентичности как таковой в Украине не сложилось. Элементов идентичности, по его мнению, «вполне хватает для того, чтобы не доверять своим согражданам-соседям или общегосударственному центру, но недостаточно для того, чтобы выстраивать собственную линию поведения по отношению к ним» [Мальгин 2005: 204–205]. Вместе с тем существуют кардинальные различия между западной и юго-восточной культурами.

Существенные различия можно наблюдать и в сфере развития языковой идентичности. Важную роль в процессе формирования литературного языка и повседневных языковых практик сыграла политика государств, которым в разные периоды истории принадлежала территория Украины. Если в районах, подчиненных Российской Империи, шел процесс массовой русификации публичной сферы и сферы образования, то в западной части Украины политика в отношении украинского языка была несколько мягче. Дополнительной поддержкой развитию языка в Галиции служило то, что здесь публиковались работы некоторых авторов из Правобережной Украины, где украинский язык находился под запретом. Между Поднепровьем, где также шел процесс формирования литературного украинского языка, и Галицией имелись существенные диалектные различия. Поднепровье критиковало Галицию за использование много-

численных заимствований из польского и немецкого языков. Галичане, в свою очередь, утверждали, что их оппоненты хотят навязать всей стране наречие, получившее распространение только в одном регионе [Клопова 2005].

Следует принять во внимание и этнический состав регионов. Если восток Украины в процессе индустриализации был заселен в основном русскими, которые впоследствии сформировали рабочий класс и интеллигенцию городов, то в западных областях приток русских был меньше. Несмотря на то, что украиноязычное население западных областей также было в основном крестьянским, национальное движение украинцев позволило представителям низших слоев повысить социальный статус и сформировать собственную культурную среду со своими языковыми традициями [Shevelev 1989; Остапчук 2005; Magocsi 2002]. Таким образом, можно констатировать, что современная Украина представляет собой совокупность региональных общностей с различными историческими, культурными и языковыми традициями. Однако такая характеристика страны лишь задает общий контекст исследования, но не позволяет ответить на вопрос, какая же идентичность — этническая или языковая — превалирует при формировании национальной идентичности.

Когнитивный анализ дискурса Интернет-сообществ

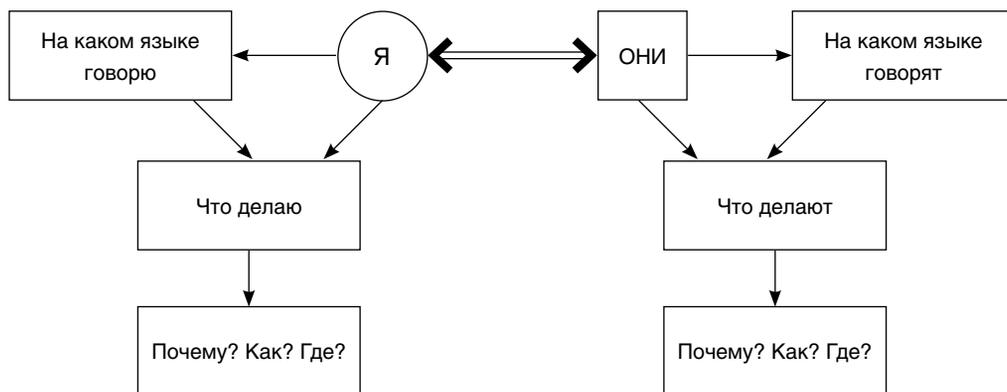
Решением проблемы источников стало привлечение спонтанного дискурса, представленного в Интернет-блогах. Этот источник имеет ряд важных преимуществ. Во-первых, в данном случае мы имеем дело с текстами, которые созданы не элитами, а представителями общества (хотя, конечно, высказывать свою позицию по тем или иным вопросам в Интернете готова лишь определенная часть общества, вот почему мы делаем упор не на количественные, а на качественные методы исследования). Во-вторых, в отличие от социологических опросов, использование источников такого типа не актуализирует идентичность изучаемого субъекта. Кроме того, этот источник представляет собой совокупность текстов, с которыми можно работать при помощи когнитивных методов, в частности, выделять идеализированные когнитивные модели.

Первый этап работы заключался в поиске и систематизации всех украинских сообществ, существующих на Интернет-ресурсе «*Live Journal*». В результате получилась база данных по 148 сообществам. Следующим этапом стала систематизация этой базы по двум параметрам: языковому (русский/украинский) и тематическому (политические/неполитические) (см. табл. 2).

Таблица 2. Распределение украинских сообществ блогеров по выбранным параметрам

Тема \ Язык	Русско-язычные	Украино-язычные	Двужычные	Всего
Политические	6	14	17	37
Неполитические	56	22	33	111
Всего	62	36	50	148

Рисунок 2. Обобщенная структура фрейма в дискурсе блогера

Уже на этом предварительном этапе были получены содержательные результаты. По тематике большая часть сообществ — неполитические, то есть это сообщества повседневности, в которых пользователи обсуждают проблемы, не связанные с политическими процессами. При этом среди неполитических сообществ преобладают русскоязычные, тогда как политических русскоязычных сообществ меньше всего. Этот факт достаточно важен для наших дальнейших рассуждений. Можно предположить, что в современной Украине языком политического дискурса является украинский, тогда как русский язык активно вытесняется из этой области в зону повседневного дискурса.

Специфика источника наложила отпечаток на методику анализа текстов. Интернет-блоги — это электронный ресурс, в котором предметом дискуссии чаще всего становятся события из личной жизни или события, вызвавшие личные переживания пишущего. Поэтому обобщенная структура фрейма выглядит достаточно эгоцентрично. Каждый раз при выделении очередного варианта пропозиционной

структуры мы отталкиваемся от позиции «Я» (см. рис. 2).

Заполняя ячейки подобной схемы элементами из реального дискурса блогеров, мы можем выявлять фреймы. Параллельно возникают и другие элементы ИКМ: метафоры, метонимии и образно-схематические структуры, которые также можно разложить до уровня фреймов.

Далее мы рассмотрим набор метафор, метонимий и образно-схематических структур, которые выявляются в дискурсе, а также выделим набор фреймов, на которые опираются данные метафоры, метонимии и образно-схематические структуры.

Приведем пример метафорического отражения языковой проблематики. В дискуссиях довольно часто встречается одушевление концепта «язык» через требование его «уважать». Чтобы выяснить структуру стоящей за этим выражением метафорической модели, обратимся к понятию «уважать». Толковый словарь В. Даля дает следующее определение: *уважить, уважать* — почитать, чтить, душевно признавать чьи-либо достоинства, ценить высоко, честить почетом, потчевать, принимать

почетно [Даль 2000: 665]. «Почитать» означает признавать чей-то высокий статус, достоинства. Отсюда можно сделать вывод, что «уважать» язык означает признавать за ним высокий статус. Очевидно, что именно так мы должны трактовать требования украиноязычных граждан к русскоязычным, когда речь заходит об уважении украинского языка.

Раньше (в период, когда русский язык использовался как официальный) украинский язык был ценен сам по себе и, по сути, не являлся для населения Украины, особенно для его русскоязычной части, инструментом коммуникации. Когда украинский язык стал государственным, то есть обязательным для коммуникации, его ценность в глазах русскоговорящих резко снизилась: он стал предметом повседневного пользования, причем не в результате добровольного выбора. Перейдя в ранг официального и обязательного для всех, украинский язык утратил в их глазах уникальность и культурную ценность и не приобрел взамен легитимного статуса удобного инструмента повседневного общения — таким инструментом остался русский язык.

С приобретением украинским языком статуса официального у украиноязычных граждан проблем не возникло, так как для них он был родным. А как сейчас себя чувствуют носители русского языка? Проблема идентификации актуальна именно для них, поскольку их язык теперь находится фактически вне официального нормативного поля. Модель, которую проецируют законодатели и украиноязычные граждане, не подразумевает наличия в Украине второго государственного языка, тем более, когда этот язык означает принятие идентификации с Россией. Поэтому у русскоязычных граждан возникли проблемы с идентификацией себя как граждан Украины. Данную

дихотомию отражает метафорическая модель «язык родной vs. государственный». Для украиноязычных украинский язык и государственный, и родной, для русскоговорящих — только официальный. Таким образом, эта модель отражает внутренний конфликт украинского общества, где часть граждан оказывается вытесненной из официальных практик.

По сути, вся ответственность за языковую политику возлагается на государство в целом. С одной стороны, это выглядит нелогично, так как проблемами языковой политики должны заниматься специализированные органы, отвечающие за политику в области образования и культуры. Но если вспомнить официальный политический дискурс, станет ясно, что язык принадлежит не только сфере культуры или образования. Языковая идентичность — это вопрос формирования национального единства. Повсеместно насаждая украинский язык, государство не просто его популяризирует — оно стремится на базе языка унифицировать политическую культуру и национальную идентичность.

Дискурс Интернет-сообществ, в котором государство встречается исключительно в роли одушевленного актора (в данном случае это пример метонимии), вполне адекватно воспринимает посыл власти. Но готово ли все общество следовать этому послылу? Государство предлагает коммуникацию только на украинском языке, тогда как часть населения может выбрать модель поведения, которая вообще исключает коммуникацию на каком-либо языке кроме русского.

Таким образом, на уровне метафорического и метонимического отображения выделяются модели, которые структурируют представления о самом языке и роли государства в осуществлении языковой

политики. О каких же образно-схематических структурах идет речь в исследуемом дискурсе?

Один из вариантов образно-схематической модели — восприятие России как *соседнего/другого государства*. Очевидно, что для носителей такой модели Украина — самобытное и самостоятельное государство, никак не зависящее от России (это можно наблюдать в построении фреймов), и акцентирование «внеположенности» двух стран, вроде бы, избыточно. Следовательно, использование прилагательных «*другой*», «*соседний*» усиливает *противопоставление* Украины и России как разных государств. В противоположность этому подходу можно привести слова представителя русскоязычного сообщества: «Украина и Россия не должны разваливаться на разные государства».

ИКМ украиноязычных и двуязычных индивидов содержит вполне четкую и однозначную образно-схематическую структуру «*одно государство — один язык*». Подобной модели мы не наблюдаем в дискурсе русскоязычной части украинского общества. Их представления о соотношении языка и государства более комплексны и аморфны. Здесь и отсылки к опыту стран с несколькими государственными языками, и обращение к совместному историческому прошлому Украины и России. Очевидно, что невозможность четко соотнести государство с государственным языком обусловлена тем, что русскоязычные жители Украины не могут выстраивать свою идентификацию «в противовес России», как это делают официальная Украина и украиноязычные граждане. Логика украиноязычных такова: если они живут в Украине (суверенном государстве), то и говорить они должны исключительно на украинском языке. Если они примут русский

язык в качестве второго государственного, это будет отступлением от национальных интересов и не впишется в идеализированную модель «одно государство — один язык». Признание русского языка будет означать присоединение к России, что для них неприемлемо.

Исходя из гипотезы, что в Украине язык служит базовым фактором формирования картины мира, мы можем предложить классификацию выявленных фреймов. Примем за основу классификации языковую группу, к которой причисляет себя участвующий в дискуссиях индивид. В результате получаем две крайние категории: украиноязычные и русскоязычные, а также две промежуточные позиции: двуязычные, предпочитающие говорить по-русски, и двуязычные, предпочитающие говорить по-украински.

На следующем уровне классификации можно добавить такие элементы, как отношение к языку, на котором говорит оппонент (украинскому или русскому), готовность вступать в коммуникацию с носителем другого языка, мнение по поводу языковой политики государства и т.п. В целом, все выявленные фреймы можно расположить на шкале между двумя «чистыми» типами.

Крайний тип со стороны украиноязычных — это индивид, который:

- говорит только по-украински;
- отказывается участвовать в коммуникации с использованием русского языка;
- считает, что вся официальная и политическая жизнь и вся сфера повседневности (реклама, телевидение, обучение и т.п.) должны быть украиноязычными;
- считает, что все население Украины в обязательном порядке должно говорить на украинском языке;

- видит в Украине самостоятельную страну с самобытной культурой, неотъемлемой частью которой является украинский язык;
- классифицирует тех, кто говорит по-русски, как приверженцев соседней враждебной страны (России);
- считает, что никакой проблемы русского языка в Украине не существует;
- поддерживает государство в его политике повсеместного распространения украинского языка;
- считает, что Украина должна вступить в НАТО и ЕС.

«Чистый» тип со стороны русскоязычных — это индивид, который:

- говорит только по-русски;
- отказывается говорить по-украински и понимать украинский;
- считает украиноязычное население Украины националистами, которые отбирают у него родной русский язык (в понимании русскоязычного индивида «националист» — тот, кто повсеместно насаждает украинский язык и стремится искоренить русский);
- выступает за придание русскому языку статуса государственного языка;
- требует присутствия русского языка как в официальной и политической сферах, так и в сфере повседневности;
- выступает за сотрудничество с Россией;
- не считает Украину полноценным государством и часто отказывает ей в праве на собственную историю и самобытную культуру;
- выступает против вступления Украины в НАТО и ЕС.

Промежуточные типы могут включать различные вариации, например:

- индивид говорит на обоих языках, готов их понимать и вступать в коммуникацию в зависимости от ситуации, но считает, что Украина должна иметь один государственный язык — украинский;
- индивид говорит и понимает по-украински, но изъявляет желание слушать лекции в университете, смотреть телевизионные программы и фильмы на русском языке;
- индивид говорит на двух языках, при этом считает, что у русскоязычных людей, которые не способны выучить украинский язык, или украиноязычных, которые не способны выучить русский, низкий уровень интеллекта;
- индивид относит себя к русскоязычным, но принципиально говорит на украинском;
- индивид относит себя к русскоязычным, но лояльно относится к украинскому языку.

Наиболее показателен вариант, который занимает центральную позицию в предложенной нами классификации: *индивид знает два языка, но при этом считает, что русский язык должен присутствовать в повседневной жизни, а украинский — в официальной.*

В целом можно заключить, что фреймы языкового поведения строятся по классической двухуровневой схеме, предложенной М. Минским [Минский 1979]: на верхнем, абстрактном, уровне индивид классифицирует себя как носителя определенного языка или языков, на втором уровне формируется набор возможных сценариев поведения в зависимости от ситуации. В данном случае мы можем с

большой степенью вероятности предположить, что если индивид на первом уровне фрейма классифицирует себя как носитель украинского языка, то у него будут в той или иной степени присутствовать сценарии поведения, характерные для «чистого» вида украиноязычного индивида. Очевидно, что чем больше сценариев «чистого» типа встречается в обществе, тем сложнее будет процесс коммуникации, так как эти типы подразумевают отказ от общения с носителями иного языка.

Украина представляет собой страну с несколькими видами идентичности. Однако *базовой идентичностью является языковая*, поскольку именно она формирует основные поведенческие фреймы. Что позволяет сделать подобное заключение?

Первое. На основании анализа метафор выявлено восприятие языка как элемента некой целостной структуры — национальной идентичности.

Второе. Модель государственности и суверенитета на официальном уровне строится по формуле «одно государство — один язык».

Третье. Поведенческие фреймы и модели интерпретации ситуаций строятся на основании принадлежности к той или иной языковой группе.

Итак, фреймовая структура украинского общества строится на принадлежности к той или иной общности — украиноязычной, русскоязычной или двуязычной, которые, в свою очередь, тянут за собой шлейф смыслов и норм интерпретации реальных ситуаций. С двуязычной общностью в этом случае меньше всего проблем, так как ее представители способны в домашней обстановке общаться на русском языке, а на работе или учебе — на украинском, не испытывая какого бы то ни было дискомфорта. Как уже отмечалось, для данной общности

наиболее выгодно сохранение статус-кво в языковой политике.

Две другие общности (или сферы) классифицируются по категории языка и дихотомии «официальность — повседневность». Соответственно, мы можем говорить об официальной украиноязычной общности, повседневной украиноязычной общности и повседневной русскоязычной общности.

Таким образом, существуют зоны употребления украинского языка и зоны, в которых используется русский язык. При этом зоны могут пересекаться на одной территории и соотноситься с той или иной профессиональной или социокультурной средой. Структура дискурса показывает, что разделение жизненных сфер — на официальную и повседневную — намного важнее деления по географическому признаку. Для русскоговорящих языки их повседневной и официальной жизни различаются. Отсюда и возникают споры о том, насколько тот или иной язык имеет право на существование. Деление на официальную и повседневную жизнь напрямую связано с фреймами: в зависимости от того, как классифицируется ситуация, будут применяться те или иные языковые практики.

Очевидно, что русскоговорящее население попадает в ситуации с ограниченным набором схем поведения. Политика в отношении языка формирует ситуацию, когда русскоговорящие оказываются объектами действий власти намного чаще, чем украиноговорящие. В данном случае можно говорить о структурном насилии со стороны властей. Сужая количество языков официальной сферы до одного, государственные органы фактически исключают значительную часть населения из официальной жизни государства.

Одно из ярких подтверждений структурного насилия — перевод русских фа-

милей на украинский язык. С точки зрения рационального актора, этот факт не должен был бы вызвать такой сильный резонанс, так как он не затрагивает ни финансового, ни политического положения индивидов. Тем не менее эта политика породила массовую волну недовольства. Фамилия человека — один из элементов его самоидентификации в социуме. Перевод фамилии на другой язык означает смену идентификации, что является достаточно болезненной процедурой. Государство такими действиями демонстрирует свою власть над этим элементом личной сферы человека.

Структурное насилие отличается от прямого государственного насилия тем, что действует не прямыми запретами, а устанавливает некие официальные нормативные и неофициальные рамки, ограничивающие свободу граждан. Очевидно, что при полном отсутствии таких рамок никакие институты не стали бы работать в принципе. Однако важно, чтобы сами граждане воспринимали эти рамки в качестве легитимных, иными словами, принимали соответствующие ограничения в их жизни как норму. В случае же с законодательством о языках в Украине значительная часть граждан не считает ситуацию легитимной. При этом структура национальной самоидентификации людей такова, что на первом месте в иерархии идентификационных маркеров стоит язык, а за ним уже следуют культура, место жительства и т.д. Более того, подобная структура идентичности наблюдается не только у русскоязычного населения, но и у украиноязычного, и даже возведена в ранг официальной политики.

Практики, связанные с украинским языком, легитимны как в официальной, так и в повседневной сферах. Практики русскоязычного населения, хотя и не запрещены в правовом поле полностью, не легитимны

с точки зрения государственной политики. В то же время политика массовой украинизации не является легитимной в глазах носителей практик повседневной русскоязычной среды. Русскоязычная часть населения не признает картину мира, которую через законы им навязывает украиноязычная часть. Отсюда — массовое движение в Крыму и в восточной части Украины за признание официального статуса русского языка и отказ от сотрудничества с НАТО.

На основе проведенного анализа можно сделать ряд прогнозов развития ситуации в Украине, причем не только в области языковой политики. Во-первых, очевидно, что при столь низкой легитимности политика по внедрению украинского языка не принесет ожидаемых результатов. Во-вторых, методы структурного насилия, направленные на формирование однородной украиноязычной среды, отрицательно скажутся на социальной стабильности и «здоровье» общества, так как насильственная смена идентичности представляет собой исключительно болезненный процесс. Наконец, можно утверждать, что раскол в украинском обществе, действительно, существует, но пролегает он не вдоль границ макрорегионов, как принято считать в современной научной и публицистической литературе, а между официальной украиноязычной, повседневной украиноязычной и повседневной русскоязычной сферами жизни.

Здесь мы имеем дело с ситуацией двойного наложения линий раскола, что приводит к максимальному вытеснению русскоязычного населения из легитимного официального поля. При этом украиноязычная повседневность частично легитимируется за счет языка. Если бы линия раскола между украиноязычной и русскоязычной средой пролегалась четко по границам регио-

нов, можно было бы прогнозировать раскол государства. Однако из-за несоответствия обнаруженных линий раскола территориальным границам на данном этапе это маловероятно.

Существует несколько вариантов развития ситуации. При этом вариант, когда каждая сторона достигнет желаемого результата, пока невозможен. Если власть будет продолжать применение практик структурного насилия по отношению к русскоязычным, русскоязычное население может получить дополнительный стимул для коллективных протестных действий, которые уже имели место в Крыму и в ряде других юго-восточных регионов Украины.

Русский язык может получить статус государственного, официального или реги-

онального, однако это вызовет негативную реакцию украиноязычного населения и не будет им признано как легитимное решение в силу той структуры идентичности, которая была рассмотрена выше. В результате украиноязычное население попадет в ситуацию структурного насилия.

Возможен и вариант сохранения обозначенных выше языковых общностей в тех границах, которые существуют на данный момент. При этом важно удерживать на необходимом уровне количество двуязычных граждан, поддерживающих коммуникацию в обществе. Одним из наименее конфликтных вариантов развития ситуации, на наш взгляд, может стать признание русского языка в качестве регионального в ряде областей Украины.

п р и м е ч а н и я

Арель Д. 1995. Спокуса «націоналізації» української держави // «Сучасність», № 12.

Барт Ф. (ред.) 2006. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М.

Бирюков Н.И., Сергеев В.М. 2004. Становление институтов представительной власти в России. М.

Ван Дейк Т.А. 1989. Язык. Познание. Коммуникация. М.

Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. М.

Гирц К. 2004. Интерпретация культур. М.

Губогло М.Н. 2003. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.

Даль В.И. 2000. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.

Калхун К. 2006. Национализм / Пер. А. Смирнова. М. Клопова М.Э. 2005.

Украинское движение на восточнославянских землях империи Габсбургов как фактор австро-российских отношений начала XX в. // Регионы и границы Украины в исторической перспективе. М.

Когнитивные исследования за рубежом, методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. 1990 / Отв. ред. В.М. Сергеев. М.

Лакофф Дж. 2004. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.

Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. Метафоры, которыми мы живем. М.

Мальгин А. 2005. Украина: соборность и регионализм. Симферополь.

Миллер А. 1997. Украина как национализирующееся государство // «Pro et Contra», т. 2, № 2.

Минский М. 1979. Фреймы для представления знаний. М.

Остапчук О.А. 2005. Изменения государственных границ как фактор формирования языковой

Региональное измерение мировой политики

ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII — пер. пол. XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической перспективе. М.

Толпыго А. 1997. Украинский путь // Украина и Россия: общества и государства: <http://www.analitik.org.ua/rus/publications/tolpygo/3dde4fbf/3dde5054/>

Хмелько В.Є. 2004. Лінгвоетнічна структура України: Регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності // «Наукові записки».

Національний університет «Києво-Могилянська Академія». Т. 32: Соціологічні науки / НаУКМА; Редкол.: В. Брюховецький та ін. Київ (<http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/ing-ethn.pdf>).

Davidson B. 1992. Black Man's Burden: Africa and the Curse of the Nation-State. N.Y.

Dooley K.L. 2005. National Symbols, Language Use, and Minority Attitudes: http://www.allacademic.com/meta/p69502_index.html

Gellner E. 1978. Thought

and Change. University of Chicago Press.

Haugen E. 1961. Language Planning in Modern Norway // «Scandinavian Studies», vol. 33.

Horowitz D. 1985. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley.

Magocsi P.R. 2002. The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto.

Shevelev G.Y. 1989. The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century (1900–1941): Its State and Status. Cambridge.